

У Чэнь Минхуэя было всего около девятисот юаней, и если он хотел заняться продажей кожаной обуви, то мог купить только тридцать пар. Эти тридцать пар он точно не мог продавать в городе Хай, ведь там были свои магазины, и люди вряд ли стали бы покупать ту же обувь по более высокой цене у него. Если отвезти их в город Чжу, то можно было бы добавить три-четыре юаня к цене за пару, и тогда с тридцати пар он заработал бы от девяноста до ста двадцати юаней. Это было меньше, чем прибыль от игрушек, и, вычтя тридцать с лишним юаней за билеты туда и обратно, практически не оставалось дохода. Именно поэтому Чэнь Минхуэй изначально не выбрал продажу обуви. Хотя прибыль от игрушек была меньше, но и капитал требовался небольшой. С тем же капиталом он мог купить триста-четыреста игрушек, добавив к каждой пять-шесть цзяо, а иногда даже один юань, и тогда, продав все, он мог заработать двести-триста с лишним юаней. Он планировал сделать несколько поездок, накопить больше капитала, а потом уже заняться перепродажей обуви. Если бы он мог за раз перевезти достаточно пар, прибыль была бы значительной.

Но, как говорится, человек предполагает, а судьба располагает. Внезапно произошло непредвиденное.

В тот вечер Чэнь Минхуэй снова ночевал на вокзале. Он потерял работу и теперь еще меньше хотел тратить деньги на гостиницу. Укол он тоже не сделал, снова приняв парацетамол, чтобы сбить температуру. Зато он выпил много горячей воды на уличной лавке.

Тело его то знобило, то бросало в жар, он ворочался и не мог уснуть, невольно думая о Цянь Юе. Он начал скучать по нему. Как он там? Хорошо ли ему? Ест ли он нормально? Неужели он до сих пор экономит мясо и яйца, которые я ему оставил, и ждет моего возвращения? Так нельзя, он такой худой, словно тростинка, ветер может сдуть.

В этот день на перемене Сюй Сы ткнула свою соседку Хао Ин:

— Слышала? Мать Цянь Юя вышла замуж. Меньше чем через год после смерти отца она уже нашла другого мужчину. Моя мама говорит, что такие женщины — нарушительницы морали, в прежние времена их топили бы в пруду.

Хао Ин, которая должна была быть дома, каким-то образом снова получила право вернуться в класс.

Услышав слова Сюй Сы, ее глаза наполнились злобой, и она сразу спросила:

— Чэнь Минхуэй знает об этом?

Сюй Сы замялась:

— Наверное, нет. Я слышала, что Чэнь Минхуэй снова уехал. Может, он опять поехал в поселок к Брату Луну? Помню, что каждый раз, когда он возвращался от него, он приносил тебе еду, и чаще всего это было мясо. Интересно, сможет ли он снова достать мясо на этот раз?

Сюй Сы говорила, бросая косые взгляды на Хао Ин, и в ее глазах мелькнула зависть. Она добавила с намеком:

— Но даже если он достанет, тебе это уже не пригодится. На этот раз все, что он получит, достанется Цянь Юю.

— Сучка, шлюха! — яростно выругалась Хао Ин, ее глаза горели ненавистью.

Она громко сказала:

— Как может быть такая бесстыдная женщина, которая выходит замуж так скоро после смерти мужа?

Хотя она не называла имен, но в классе уже давно ходили слухи о том, что мать Цянь Юя вышла замуж. Как только Хао Ин заговорила, все ученики повернулись к Цянь Юю.

На парте Цянь Юя лежал учебник, он держал карандаш и что-то писал, словно не слышал слов Хао Ин.

Хао Ин, увидев, что Цянь Юй не отвечает, решила, что он боится и чувствует себя виноватым, и ее голос стал еще более резким и язвительным:

— Пф, бесстыдница. Это как раз подтверждает поговорку: «Яблоко от яблони падает недалеко». Какова мать, таков и сын. Если мать без мужчины не может, то и сын такой же, с малых лет не учится хорошему, только мужчин соблазняет!

Рука Цянь Юя, сжимавшая карандаш, замерла, вены вздулись.

С громким стуком Ци Мин швырнул ручку на стол и холодно произнес:

— Хао Ин, это школа, а не твоя домашняя лежанка, где можно сплетничать.

— И еще, насчет того любовного письма, я и Чэнь Минхуэй уже объяснили, и сегодня я повторю это перед всем классом. То письмо было написано Цянь Юем, потому что он проиграл пари Чэнь Минхуэю. Чэнь Минхуэй специально заставил его написать его, чтобы посмеяться над ним. Никаких чувств там не было, просто шутка. Если кто-то еще будет сплетничать об этом, я расскажу обо всем Чэнь Минхуэю, когда он вернется. А у него характер, он не оставит это просто так. Так что, если не хотите неприятностей, лучше заткнитесь и учитесь.

В то время общество было крайне нетерпимо к гомосексуальности. Даже одно только письмо от мальчика к мальчику, хотя ничего не произошло, могло стать причиной для нападков и разрушения жизни.

Чэнь Минхуэй, конечно, не мог этого допустить, поэтому после своего возвращения он объяснил всему классу, что это было пари, и проигравший должен был написать любовное письмо и прочитать его перед классом, чтобы посмеяться. Такой поворот событий был типичным для Чэнь Минхуэя, и одноклассники поверили ему, посчитав это забавным и даже крутым.

В классе Ци Мин был вторым после Чэнь Минхуэя, и, пока Чэнь Минхуэй отсутствовал, он стал главным. Хао Ин не осмеливалась открыто противостоять Ци Мину, так как считала, что Чэнь Минхуэй все еще испытывает к ней чувства, пусть и не такие сильные, как раньше. Но Ци Мин с самого начала относился к ней не так, как другие мальчики, а с некоторой неприязнью.

Хао Ин стиснула губы, сдерживая поток ругательств.

Сегодня был счастливый день для Ли Цуй, но в душе она не чувствовала радости.

Когда она выходила замуж за отца Цянь Юя, их семья была бедной, и даже деньги на свадебный банкет были взяты в долг, но отец Цянь Юя все же смог устроить двадцать столов. Такое количество столов требовало немалых денег, и в те трудные времена, когда люди едва

сводили концы с концами, мало кто мог позволить себе такую роскошь.

В то время подарки на свадьбу тоже были скромными, гостей было много, и некоторые бедные семьи приносили лишь немного овощей или яиц. Если бы это были работники с официальной работой, то они могли бы принести больше денег, но семьи Цянь и Ли были крестьянскими, и у них было мало знакомых среди рабочих, поэтому денег они получили немного.

Поэтому в поселке многие бедные семьи не могли позволить себе устроить большой банкет, или ограничивались несколькими столами, приглашая только близких родственников и друзей. А их друзья, зная о трудностях, не приводили с собой всю семью, чтобы не обременять молодоженов большими расходами.

Таким образом, пышная свадьба в семье Цянь наделала много шума, и Ли Цуй некоторое время гордилась перед соседями, а многие молодые девушки и женщины завидовали ей.

Но на этот раз ее новый муж не устроил банкет в деревне, а просто пригласил обе семьи на ужин.

Ли Цуй плакала, чувствуя себя обиженной:

— Я на пятнадцать лет моложе тебя, и я, несмотря на возражения родителей, вышла за тебя. На что я надеялась? На то, что ты будешь хорошо ко мне относиться. А ты даже банкет не устроил, как я теперь смогу поднять голову перед родными и соседями?

Муж молча курил трубку.

Ли Цуй, не выдержав, ткнула его:

— Ну, скажи что-нибудь!

Наконец, он пробурчал:

— Моя мама сказала, что мы второй раз женимся, это позор, и банкет не нужен.

— Но перед свадьбой мы договорились, что устроим хотя бы восемь столов, а теперь ни одного!

Муж снова замолчал.

Но за дверью услышала свекровь и тут же закричала:

— Как тебе не стыдно! Муж только год как умер, а ты уже за другого вышла. Неужели тебе не стыдно? Мы и так опозорились, женившись на тебе, а ты еще и банкет хочешь!

Если бы это была ее бывшая свекровь, Ли Цуй бы сразу ответила. Но ее бывшая свекровь, старая госпожа Цянь, была известна в поселке как добрая женщина, которая всем улыбалась. Их семья была бедной, и, хотя люди Цянь были хорошими, многие не хотели отдавать своих дочерей замуж в такую семью, чтобы те не терпели нужду.

Позже Ли Цуй познакомилась с отцом Цянь Юя и вышла за него замуж. Семья Цянь с трудом нашла невестку, и они относились к Ли Цуй как к богине.